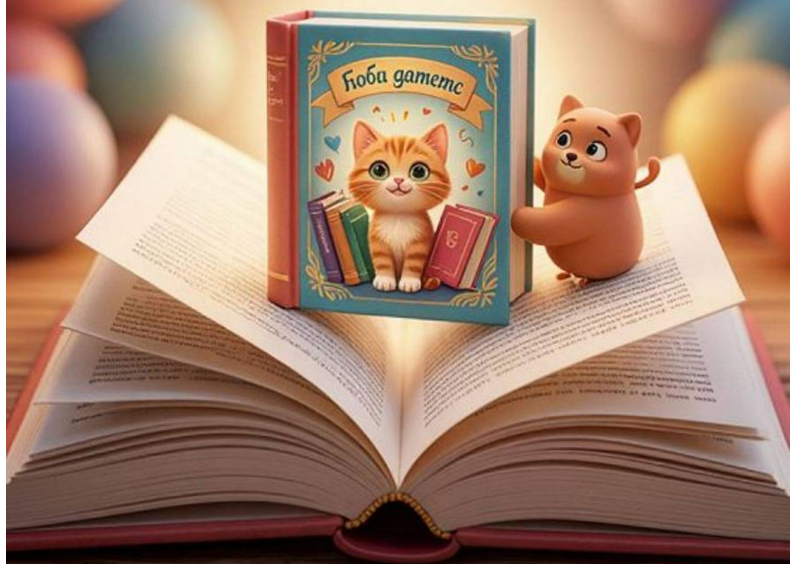

сима Тимченко

Котенок Гав

Насима Тимченко

Котёнок Гав

<https://litres.ru/74570467>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга учит дружбе, взаимовыручке и тому, что каждый имеет право быть собой, несмотря на чужие странные правила.

Добро всегда побеждает зло, этому пример жизни нашего котёнка Гав и его друга.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Насима Тимченко

Котёнок Гав

Глава 1

Оглавление

Глава Знакомство с именем

Глава Поиск друзей

Глава Сосиска

Глава Путешествия котенка Гав

Глава Взрослые обитатели двора

Глава Черный кот

Глава Гроза

Глава Теплое счастье

Глава

Знакомство с именем

На старой, пахнувшей пылью и сушёными яблоками даче, под самым коньком крыши, в заброшенной голубятне, жил рыжий котёнок. Он был похож на маленький, сшитый из осенних листьев комочек — огненная шерсть, усы-пружинки и глаза цвета первого, ещё не набравшего силы мёда. Дни напролёт он гонялся за пылинками в косых лучах солн-

ца, учился балансировать на скрипучих стропилах и с упоением, во всю силу неокрепших лёгких, тренировал свой голос. И голос у него был совершенно особенный. Когда внизу, на заросшем участке, соседский пёс Барон лениво и гулко подавал голос, охраняя свою будку, рыжий малыш замирал, прислушивался, а потом, набрав побольше воздуха, отвечал ему звонким, старательным: «Гав! Гав-гав!» Это получалось у него так самозабвенно и чисто, что казалось, будто крошечный колокольчик пытается подражать большому соборному колоколу. Он не знал других звуков. Для него мир начинался с этого раскатистого, хрипловатого «Гав», которым здоровался по утрам с солнцем и прощался с ним вечером. Он был уверен, что это и есть его истинное, единственно правильное имя, данное ему самой судьбой и запахом нагретой солнцем черепицы. Он не мяукал — он провозглашал, и эхо его голоса, отражаясь от шиферных скатов, наполняло чердак чувством собственной значимости и невероятной, почти собачьей преданности этому огромному, шумящему листвою миру.

Об этом вопиющем нарушении кошачьего устава очень скоро узнал старый, выдавший виды кот Василий, чей дворовый авторитет был непререкаем на три улицы в округе. Василий был котом-философом, котом-аристократом с порванным в трёх местах левым ухом и седыми, жёсткими усами, которые он носил с достоинством испанского гранда. Он жил

под террасой, где пахло сырой землёй и бензином, и выходил на променад исключительно в сумерках, когда тени становились длинными, а глупые птенцы уже спали. Услышав однажды с крыши это наглое, собачье «Гав», Василий замер, его полосатый хвост трижды нервно дёрнулся, сбивая пыль с карнизной доски. Он поднял голову, прищурил свой единственный зрячий глаз (второй он потерял в героической битве за право считаться главным котом мусорных баков) и долго, внимательно изучал рыжую точку на фоне голубого неба. Когда же малыш, заведя внизу солидного кота, радостно и громко поприветствовал его своим коронным «Гав!», Василий не выдержал. Он тяжело вздохнул, спрыгнул с забора так, что земля глухо ухнула, и, волоча брюхо по траве, направился к старой яблоне, ствол которой вплотную примыкал к дачному дому, создавая естественный мост на чердак. Это было не просто любопытство — это был вызов миропорядку, который требовал немедленного вмешательства высшей инстанции.

Взобравшись на чердак, Василий брезгливо отряхнул лапы от древесной трухи и предстал перед котёнком во всём своём величии. «М-да, — проскрипел он голосом, похожим на звук несмазанной калитки, обводя взглядом царство стропил и старых сундуков. — Доводилось мне видеть котов, которые лакали молоко из собачьей миски. Видел тех, кто боялся мышей. Но чтобы кот гавкал... Это, брат, уже перебор».

Рыжий малыш, присев от неожиданности, прижал уши и вопросительно наклонил голову. «Имя — это судьба, — назидательно поднял когтистый палец Василий, расхаживая по балке. — Вот меня зовут Василий. Звучит? Звучит. В нём и сила, и мудрость, и уважение. Тебя как величать, чудо лохматое?» Котёнок растерянно моргнул, переступил с лапки на лапку, а потом, вспомнив главное слово в своей жизни, радостно и звонко выпалил: «Гав!» Василий закатил свой единственный глаз так, что стали видны только белки. «Святые сосиски... — простонал он. — Послушай меня, недоразумение рыжее. Коты созданы для тишины, для ночной охоты и для того, чтобы говорить «Мяу». В «Мяу» — вся грация, вся независимость, вся суть кошачьей души. А твоё «Гав» — это же приговор! Это клеймо! Ты хоть понимаешь, какие неприятности это тебе принесёт? Ни одна приличная кошка не посмотрит в твою сторону, собаки будут принимать тебя за своего и требовать делиться костями, а люди... люди будут над тобой смеяться и, чего доброго, купят поводок!»

Но рыжий Гав лишь виновато вильнул коротким хвостом. Ему было очень жаль расстраивать этого важного, пыльного кота, но изменить себя он не мог. Когда вечером на участок снова забрела чужая такса, Гав не зашипел по-кошачьи, а выскочил вперёд, распушив свой огненный загривок, и издал такой грозный, басовитый «ГАВ», что такса, поджав куций хвост, с позором ретировалась в дырку под забором. Васи-

лий, наблюдавший за этим из-под куста крыжовника, крикнул от удивления. Он ожидал увидеть позор и унижение, а увидел защиту территории. В ту ночь старый кот долго не мог уснуть на своей прохладной террасе. Он смотрел на звёзды и думал о том, что, возможно, правила придуманы для того, чтобы их иногда нарушали. Имя не всегда определяет суть. Иногда в маленьком, гавкающем сердце бьётся душа самого храброго льва, а грозное собачье «Гав» в исполнении котёнка — это не ошибка природы, а просто новый, непонятный старым консерваторам диалект языка дружбы и отваги. И когда на рассвете Василий, потягиваясь, проходил мимо голубятни, он всё же остановился, задрал голову и, кряхтя, промолвил: «Эй ты... Гав... А ну-ка, брысь с моего солнца». И в его голосе впервые за долгие годы промелькнула не насмешка, а что-то очень похожее на одобрение.

Глава

Поиск друзей

Запретный плод, как известно, всегда самый сладкий, а запретный двор — самое интересное место на свете. Старый Василий, чей авторитет был высечен из гранита дачного консерватизма, строжайше-настрога запретил рыжему Га-ву спускаться с чердака. «Во дворе, — скрипел он, умывая морду бархатной лапой, — царствуют собаки. Они не читали книг о дипломатии. Для них ты, со своим дурацким именем, не заблудшая кошачья душа, а просто двуногая аномалия,

которую нужно либо загнать на дерево, либо познакомить со своим хвостом». Но Гав, в жилах которого вместо крови, казалось, текла раскалённая лава любопытства, не мог усидеть на месте. Запах свежескошенной травы, вид на цветущие мальвы и, главное, звонкий, залиvistый лай, совсем не похожий на его собственный, манили его сильнее, чем миска тёплого молока. Выбрав момент, когда старый философ задремал, подставив солнцу своё седое брюхо, котёнок бесшумно, словно огненная ящерка, соскользнул по стволу яблони на крышу сарая, а оттуда — прямо в самую гущу запертого, полного опасностей и приключений двора.

Мир внизу оказался огромным, пахнущим землёй, бензином и чем-то нестерпимо вкусным, жарящимся на соседском мангале. Гав сделал несколько неуверенных шагов по мягкой траве, и тут же из-под крыльца, словно рыжий пушистый снаряд, вылетел щенок. Это был беспородный, лопухий клубок энергии по имени Шарик, чья главная жизненная философия заключалась в том, чтобы бежать, пока есть куда ставить лапы. Увидев котёнка, Шарик затормозил всеми четырьмя лапами, подняв облако пыли, и звонко тьякнул от восторга. «Ты кто? — пролаял он, бешено вращая хвостом, словно пропеллером. — Ты собака? На кошку не похож, кошки так не пахнут и так не смотрят!» Гав, вместо того чтобы выгнуть спину дугой и зашипеть, как учил Василий, сел, обернул лапы хвостом и с достоинством ответил:

«Я — Гав. А ты?» Знакомство произошло мгновенно, на молекулярном уровне, как встречаются две капли ртути. Шарик, услышав имя нового друга, пришёл в неопиcуемый восторг. «Гав! — пролаял он. — Брат! Земляк! Мы с тобой одной крови — ты и я!» И они носились по двору до изнеможения, сбивая ромашки и пугая жирных соседских голубей, чувствуя, как их сердца бьются в абсолютно одинаковом, сумасшедшем ритме.

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в цвет спелой дыни, друзья, тяжело дыша, развалились в тени старой вишни. Шарик грыз найденную палку, а Гав тщательно вылизывал опалённую солнцем шерстку. «Слушай, — вдруг серьёзно сказал щенок, выплюнув щепку. — А зачем тебе вообще нужны эти кошки? Взять хотя бы твоего соседа. Важный, как министр, ходит на цыпочках, фыркает. Фу, какой он... правильный. Скукота!» Гав задумчиво пошевелил усами. Он вспомнил, как Василий брезгливо отряхивал лапы от пыли на чердаке, как поджимал уши при звуках громкой музыки и как презрительно смотрел на пса Барона. «Они слишком тихие, — мяукнул Гав, и в его голосе прозвучали нотки Шарика. — Они думают, что весь мир — это их мягкая подушка. Василий говорит, что дружить нужно только с теми, кто умеет молчать. Но ведь это же скучно, правда? С ними не поиграешь в догонялки, не покопаешь ямку. От них пахнет только пылью и одиночеством. Кошки бывают

ужасно вредными, Шарик. Они вечно всем недовольны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.